

12+

Марина Лазарева

ШАНСА ВЫЖИТЬ ТУТ НЕТ

Честная хроника мамы
особенного ребёнка: от детдома
до первых шагов

Марина Лазарева

**Шанса выжить тут нет.
Честная хроника мамы
особенного ребёнка:
от детдома до первых шагов**

«Издательские решения»

Лазарева М. В.

Шанса выжить тут нет. Честная хроника мамы особенного ребёнка: от детдома до первых шагов / М. В. Лазарева — «Издательские решения»,

«Шанса выжить тут нет» — эти слова наверняка звучали вокруг Димы задолго до рождения. Так говорило окружение его беременной матери. Так говорила нянечка в доме ребёнка, куда малыш попал с кучей диагнозов. Эта книга — честная хроника о том, как решиться взять ребёнка из детского дома. Как не сломаться, когда система говорит «нет». Как искать врачей, когда денег нет. Как принять ребёнка, которого мир не принял. И как из лежачего «не жильца» вырос мальчик, который пошёл — вопреки всем прогнозам.

© Лазарева М. В.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ.	6
1. Биомать	6
2. Роддом	7
3. Дом ребёнка	8
4. Другая реальность.	9
ВСТУПЛЕНИЕ.	10
ЧАСТЬ 1.	11
Глава 1.	11
Глава 2. Толчок	12
Глава 3. Погружение	13
Глава 4. Страхи	14
Глава 5.	16
Глава 6.	17
Глава 7.	18
Глава 8.	19
Глава 9.	20
Глава 10.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Шанса выжить тут нет Честная хроника мамы особенного ребёнка: от детдома до первых шагов

Марина Валериевна Лазарева

© Марина Валериевна Лазарева, 2026

ISBN 978-5-0071-1115-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ.

Шанса выжить тут нет

1. Биомать

Раннее октябрьское утро, весело гудели троллейбусы. Город просыпался и торопился по своим делам. В сквере на лавочке сидела женщина. Её тело сотрясала мелкая дрожь, глаза были прищурены.

— Ты или похмелись уже, или бросай совсем, — хриплый, тощий пьянчужка присел рядом с начатой бутылкой водки. — А лучше избавься от него, пока не поздно. На, глотни, трясешься вся. Чего там у тебя может родиться, столько бухать. Шансов выжить у него нет.

— Иди ты, — Оксана как будто проснулась, увидев бутылку. — Дай лучше, а то сдохну.

Уговорив половину, в попытке снять раздутое похмельем чувство вины, на негнущихся ногах она поплыла в сторону девятиэтажки. Зашла в квартиру на первом этаже, рухнула на засаленный, прокуренный диван и отключилась. Ей снились её сыновья, которых увозит опека, и приговор судьи о лишении прав стучит молотком по вискам. Она выла во сне и вдруг почувствовала маленькую ручку, которая гладила её по голове. Перед ней был белокурый малыш, так похожий на её старшего сына:

— Мама, мама, не плачь, — лепетал он и убегал.

Она резко проснулась, погладила живот и прошептала:

— Простите меня, мои сыночки, но я постараюсь дать тебе шанс, малыш.

В конце апреля обычно уже очень тепло, но не в том году. В сквере, на лавке нахохлилась группа местных пьянчужек. Среди них сильно беременная женщина громко что-то рассказывала. Прохожие смотрели на неё с недоумением, жалостью и презрением. Вдруг сквер пронзил громкий женский крик. Мужики разом протрезвели, забегали, зашумели. Суeta стихла, когда скорая помощь увезла Оксану рожать.

— Вроде она говорила, ей до лета ходить, — бормотал знакомый нам мужичонка. — Хотя... — махнул рукой, — шансов выжить у её ребёнка нет. Если и родится, то уж точно с ней пропадёт.

2. Роддом

Скорая выгрузила Оксану в приёмный покой роддома. Её осмотрели, забегали, а через полчаса родился мальчик. Синюшное, тощее тельце тихо захрипело.

— Жив! — закричала акушерка и отдала ребёнка неонатологу. — Быстро ж ты разродилась...

— Долго ли умеючи, шестые роды, — ответила Оксана, глядя в белый потолок.

— Где твои документы, обменная карта? Ребёнка к груди прикладывать будем?

— Нет, ничего нет, нельзя, не надо, не буду, — затараторила Оксана и зарыдала в голос.

— Ты что ж, может, вообще ребёнка решила оставить, мамаша? — акушерка подняла на неё глаза.

Утром на дежурство пришла практикантка Лена. В детском боксе стояло несколько кюветов с младенцами, которые родились вчера. Один из них истошно кричал.

— Так, а это кто у нас такой хорошенький, кричит своим беззубым ротиком? Сейчас поедem к мамочке, она тебя заждалась поди, — Лена посмотрела бирку. — Ну, поехали, сначала тебя отвезу.

Лена везла его по этажу, крик немного затих. Доехав до нужной палаты, она в радостном предвкушении встречи ребёнка с мамой открыла дверь.

— Иванова, ваш ребёнок.

Никто не откликнулся. На кроватях сидело три роженицы с младенцами, а четвёртая кровать была пуста.

— Иванова в туалет вышла?

— Да сбежала рано утром ваша Иванова. Всю ночь рыдала, спать не давала. А утром оделась, собралась и убежала.

— Во дела, — подумала Лена, глядя на малыша, и заплакала.

Малыш, как будто поняв, в чём дело, тоже начал горько кричать. Женщины в палате дружно зарыдали в унисон, сильнее прижимая к груди своих детей. Лена отвезла кювет обратно, приготовила смесь, взяла на руки малыша и стала нежно гладить его по спинке, успокаивая:

— Господи, пожалуйста, дай этому малышу шанс выжить.

3. Дом ребёнка

— А вот этот ребёнок, что с ним? — на пороге группы дома ребёнка стояли кандидаты в усыновители.

— Какой, этот? — воспитатель махнула в сторону туго спеленутого свертка в общем манеже. — Этот не жилец, у него шансов выжить тут нет. А что вы хотели? Здоровых детей не бросают, нет тут нормальных детей. И вообще, у вас направление на кого? Вот о нём и думайте.

Нежилец улыбался во сне и причмокивал свою большую жёлтую пустышку. Глазки его быстро бегали под полупрозрачными веками. В группе было холодно, но Дима привык. Все его органы работали в полсилы. Не чувствовалось голода, сквозняка и бездушия в словах няньки.

Но в последнее время его брали на руки чаще, чем обычно. Умывали, переодевали, возили куда-то, гладили по голове скользкими датчиками. А недавно приходила новая мама и долго носила его на руках. Он, как обычно, делал вид, что ему всё равно, пытался смотреть внутрь себя. Но в носу было щекотно от новых запахов — непонятных, но приятных. Он в какой-то момент расслабился и пукнул ей в руку. Но в целом вёл себя тихо, старался не плакать и не подавать никаких эмоций. Так никто не будет кричать, так безопасно. А когда она ушла, появилось странное, волнующее чувство надежды. Ему хотелось улыбаться и кушать, как никогда.

Через какое-то время она пришла снова. Он узнал её по запаху. Она взяла его и увезла в мир запахов и звуков, от которых у него кружилась голова. А на утро он опять увидел её и решил сфокусировать взгляд, чтобы ориентироваться в этой новой, разноцветной реальности. Ему захотелось открыть глаза, чтобы постичь этот фантастический мир.

Шанс выжить превратился в шанс жить.

4. Другая реальность. В то же время

Июнь. Летняя ночь. Её глаза слипались после рабочего дня, но палец упрямо скользил по экрану смартфона. Одно за другим на экране мелькали лица маленьких девочек. Базы детей-сирот: федеральная, региональная, паблики, волонтёры. Как же долго тянулось время ожидания очереди на обучение. Понравившиеся дети исчезали, не дождавшись её.

Жаркий июльский полдень. Закончился урок в школе приёмных родителей. Она бежала домой, чтобы пообедать перед работой. На глаза попала аптека.

— Надо сделать тест на беременность, убедиться, что всё идёт по плану.

Пока грелся обед, тест выдал положительный результат. Что делать? Радоваться своему или огорчаться?

Октябрьское утро. Она шла пешком с пакетом документов в опеку. На небе облака рисовали кресты. Она волновалась: вдруг опеке чего-то не хватит, и всё зря. По пути зашла в церковь — прошло уже более сорока дней после выкидыша. Литургия. Священник неспешно раскачивал кадило. Низкое солнце проникало в окна, и дым курящегося ладана рисовал в воздухе причудливые канделябры.

Холодный осенний день. Садик за высоким забором. Закрытые ворота.

— Здравствуйте, я с направлением на мальчика Диму.

Прослушав ответ, она подняла засов и зашла на ухоженный, безлюдный двор. В дверях её встретила санитарка и проводила в актовый зал. Тишина — как будто это была инсталляция детского сада без детей.

— Ну что, смотреть будете? — спросил её врач-невролог после зловещего прочтения диагнозов и прогнозов.

— Конечно, я для этого и пришла, — ответила она и буквально побежала за ускользающим врачом по местным лабиринтам.

Мрачный ноябрь. Документы подписаны. Они с мужем сидели в машине. Видно было, что он сомневается. Ощущение тревоги передавалось и ей. Повисла тяжёлая тишина — судьбоносная для одного маленького человечка.

— Смотри, — начал говорить муж, и она замерла. — Для нас появление ребёнка органично и ничего кардинально не меняет. А у него появляется шанс на жизнь.

Она с облегчением выдохнула. Они зашли в странный садик, где всю свою маленькую жизнь их ждал малыш Дима.

А позже, когда остро необходимая реабилитация приёмного малыша была в самом разгаре, сомнения мужа влились в бурлящий водоворот, который разбросал их по разным берегам. Но это уже совсем другая история.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Июль 2026

Я пишу это в июле 2026 года. За окном — жара, в комнате тишина, Дима спит после очередного дня с активациями пластины и остеопатической коррекции. Я — финансист с большим стажем, мама троих сыновей, женщина, которая прошла через разводы, дом ребёнка и финансовые крахи. Цифры, отчёты, балансы — это моя стихия. Но сейчас я пишу эту книгу не для того, чтобы хвалиться или чтобы меня жалели. И не для того, чтобы сказать «я крутая». Я пишу её потому, что если бы кто-то — всего один человек — дал мне такую книгу, когда я стояла в детском доме и смотрела на пятимесячного Диму, который не держал голову и не фокусировал взгляд, может быть, мне было бы легче. Может быть, я бы меньше боялась. Может быть, я бы знала, что выход есть, даже когда все говорят «нет».

Это книга о том, как мы решили взять ребёнка, от которого отказались врачи. О том, как я слышала «верните обратно» и «он никогда не будет ходить». О том, как ушёл муж, когда стало совсем тяжело. О том, как я осталась одна, без денег, без поддержки, с детьми и с малышом, который не плакал по пустякам. О том, как мы не сдались. И о том, как Дима пошёл в полтора года — вопреки всем прогнозам.

Сейчас ему восемь. Он ходит, говорит, смеётся, мастерит что-то из проволоки, уже может тихо сидеть в храме и спорить со мной, когда я что-то запрещаю. Он всё ещё сложный — с ним тяжело, он требует внимания, заботы, терпения. Но он есть. Он живёт, развивается, дышит.

Я не знаю, как сложится его жизнь. Но я знаю, что мы не сдались. И если кто-то сейчас стоит на пороге такого же выбора — боится, сомневается, не знает, как быть, — эта книга для них. Я не даю рецептов. Я просто показываю свой путь. Без розовых очков, без геройства. Честно, как умею.

ЧАСТЬ 1.

Родить или взять

Глава 1.

Родить или взять — вот в чём вопрос?

А дело тут вовсе не в вопросе, а в образе мышления.

Обычно спрашивают такое те, кому жизненно необходимо родить своего. И это правда очень важно — иметь своё продолжение. Так и задумано природой.

Но вот есть уже готовые дети. Родителям этих детей тоже было важно родить своего. У них вопрос встал по-другому: воспитывать или нет. И если без эмоций — возможно, отказаться от ребёнка и дать ему шанс на другое будущее, это лучшее, что они сделали.

Ну лечила бы Диму женщина без денег, здоровья и материнского ресурса? Конечно нет.

Опять же, про «родить» — это тоже могут не все. И «взять» могут не все. Но как же здорово, когда одни могут родить, а другие — взять. Когда обстоятельства одних на руку потребностям других. Здесь огорчает только то, что часто они не совпадают, и дети оседают в домиках.

Ещё спрашивают часто: зачем взяла, свои же есть? Это на всю жизнь? Это же столько хлопот!

Но если у человека возникают такие вопросы, то вряд ли ему помогут мои ответы. Нельзя человеку, не умеющему считать, объяснить про экономические волны и для чего нужна ключевая ставка. Нет, объяснить можно, но он не поймёт, пока не изучит хотя бы математику и теорию экономики.

Так и здесь. Ответить, рассказать и показать я могу. Чем я и занимаюсь. Но поймут лишь те, кто прошёл подобный путь, прочитал книги, познакомился с людьми.

Так что родить или взять — это вообще не вопрос. Каждый живёт своими обстоятельствами и возможностями.

А вот после тридцати пяти вообще рожать не стоит, потому что тридцать пять детей — это вполне достаточно.

Глава 2. Толчок

В феврале 2018 года я резко задумалась, что мне нужен ребёнок. Муж просил, но я думала: сорок лет, старость не за горами, какие дети? А тут вдруг кольнуло!

Свой не получался, и в марте, Великим постом, мы с мамой, сестрой и детьми поехали в Дивеево.

У меня был план, который должен был сработать наверняка: попросить ребёнка у Богородицы через икону Серафима Саровского «Умиление», у него самого, пройти по канавке, занырнуть в источник.

Я всё честно выполнила. Ну или почти всё — окунуться целиком зимой в воде температурой четыре градуса не смогла. Я только спустилась по ступенькам в воду до пояса и складывалась, как чемодан.

Но беременность не наступала... Вдруг из глубин памяти всплыло, что я давно хотела взять ребёнка из детского дома, а именно точно девочку. Возможно, это желание возникло из передачи «Пока все дома». А тут ещё сестра мне рассказала про одну известную приёмную маму. Да и в интернете попала парочка сирот — брат с сестрой. Я примерила их на нашу жизнь, и оказалось, они легко встраивались. Предложила рассмотреть такую гипотетическую возможность мужу, просто так, без надежды на согласие. Он пару дней думал и вдруг сказал: а, давай! Хоть что-то доброе сделаем в жизни!

Тем временем в нашем городе, но в параллельной реальности, в родильном доме у женщины без документов родился Дима. И она ушла жить дальше, без него. Он плакал, звал, да никто не слышал, кроме медперсонала. Потом всё понял и затих. Но совпадений не бывает — по хронологии он родился одновременно с моим «вдруг» возникшим желанием усыновить.

Семья на тот момент у нас была молодая, без особых проблем, всё как у всех. Хотя с высоты сегодняшнего дня вижу, что были они — эти проблемы, просто они тогда ещё не набрали цвет.

Глава 3. Погружение

А потом я стала искать информацию о приёмстве, читать приёмных мам, смотреть тематические фильмы и утонула в этом потоке. Я смотрела на малышей, которые укачивают себя сами, не плачут по пустякам, ибо это никому не интересно. Я видела, что дети там вроде дети, но какие-то неправильные, послушно-удобные, а глаза? Какие у них глаза!

Самое грустное было осознание того, что многие сложные дети могли бы абсолютно нормально развиваться в семье. В системе развиваться не было стимула.

Я понимала, что мой мир никогда не станет прежним, когда наблюдала чудесные преобразования детей в семье. Я вглядывалась в этих приёмных мам и пыталась понять, что в них есть такого, чего нет у меня. Кто они такие, что не боятся взять ребёнка с инвалидностью, неврологией, задержкой, в коляске и другими особенностями? Примеряла их детей к себе и своей жизни: смогла бы я? Оказалось, что солнечные детки — это не страшно, а наоборот, они рождаются, чтобы в жизни их родителей было всегда тепло.

Меня поразил тот факт, что большая часть детей, которые так и останутся в системе, не смогут приспособиться к жизни. Что по выходу из детского дома они не знают элементарных вещей, таких как запись к врачу или оплата коммуналки. При этом у них сломано чувство привязанности, и они часто попадают в руки мошенников или пагубных страстей. Плюс к тому «добрые» волонтеры, появляющиеся в их жизни на Новый год, воспитывают в них потребительское отношение к жизни. В какой-то момент я поняла, что единственное, чем я могу помочь, — это вытащить хотя бы одного ребёнка оттуда. Нашла номер Школы приёмных родителей в нашем городе и позвонила. Был июнь — меня записали на конец осени. Очередь, ё-моё!

В этот самый день, в параллельном мире, Диму готовили к выписке из перинатального центра, но не к счастливым родителям, а в дом ребёнка. Без красивого конверта, фотографий, букетов, шаров и праздничного торта.

Глава 4. Страхи

И конечно, страхи были — все те самые стереотипные страхи. Но по мере того, как я сталкивалась с конкретным и начинала читать на эту тему, страхи исчезали.

Первое — это генетика и последствия разгульной жизни. Я думала, что там все дети наркоманов, алкоголиков и умственно отсталых. Но попалась статья, что научно доказанный факт — нет такого гена, который отвечает за проституцию, алкоголизм и наркоманию. Есть только предрасположенности, которые могут проявиться или не проявиться. А последствия в виде фетального алкогольного синдрома могут быть или не быть. А шизофрения, например, тоже передаётся только в половине случаев.

Второй страх — испортятся ли наши отношения с мужем, и так не всегда стабильные. И здесь, конечно, много зависит от нас самих. Да, это нужно было переработать, каким образом встроить ребёнка в семью и всё продумать. Но в принципе это страх не страх.

Третий страх — как свои дети воспримут, не наврежу ли я им. Во-первых, это ревность — сама когда-то столкнулась в детстве. Во-вторых, если какие-то болезни — может ли ребёнок заразить своих детей, или я буду много времени уделять ребёнку, а своих заброшу. Вот это большой-большой страх был. Но постепенно я читала истории приёмных родителей и поняла, что в принципе ребёнок как ребёнок. Что свой бы родился, что приёмный — это никогда не угадаешь, каким он будет, и тоже это всё решаемо. Этот страх не страх.

В июле я узнала, что беременна — как раз когда начала учиться в школе приёмных родителей. Был большой страх: как же я справлюсь? Я не хотела уходить с пути преемства, а свой ребёнок должен был родиться весной. Был страх, как я справлюсь с адаптацией в беременном виде. А также дадут ли нам ребёнка с животом. Хотя в законе нет оговорок, что беременным нельзя забирать, но я понимала, что будет тяжело. И если откладывать приёмного на после рождения своего, то пройдем ли мы потом по доходам. Но у Бога на нас свои планы, и своего ребёнка не случилось. Я продолжила обучение, и страх сам собой развеялся.

Был ещё страх, что ребёнок достанется архитрудный: будет мазать стены фекалиями, демонстрировать сексуализированное поведение, грубить, убегать, шантажировать и прочее. Ну, здесь проще с детьми помладше — не так травмированы. А со старшими это тоже всё не обязательно будет.

Дальше был страх, что мне не дадут ребёнка. Что я не подойду, что вдруг что-то не так со мной или по документам, или по закону, и мы не подойдем для приёмного родительства. Но я все законы прочитала, списывалась с приёмными мамами. Страх был до последнего момента, пока я не получила заключение о возможности быть опекуном. Но в итоге всё случилось, и это тоже страх не страх.

Ещё такой страх был — может, кому-то он покажется смешным — как воспримут наши бабки на лавочке и соседи появление приёмного ребёнка, особенно если он будет по ночам кричать. А также каким образом отвечать на их вопросы: кто это, оправдываться или грубить? Оказалось, всё намного проще — никому ничего объяснять, доказывать не надо. Просто говоришь: это наш приёмный сын. И всё. А дальше пусть додумывают — на это у них есть фантазия.

Дальше был страх не выбрать того самого ребёнка. Как я его буду искать, как я его узнаю. Вот это было тяжело на самом деле, поэтому я просила, чтобы меня избавили от выбора. И в принципе так и было — первый ребёнок, которого мне показали, и был Дима.

Может, у кого-то страхов не было и было всё, как в ванильном кино. Но я считаю, это серьёзный шаг, и страхи — это хорошо, значит, есть понимание ответственности за своё решение.

И кстати, ребёнок тоже нас боится, так как не знает нас. Только мы взрослые и можем разобрать свои страхи, а он маленький и одинокий.

Ну, у каждого своё, и это наш путь.

Глава 5.

Благословение и опека

Вижу цель — не вижу препятствий. В этом я вся. Это иногда большой плюс, а иногда большой минус — например, при выборе мужа.

Так вот, за мужа. Я ему транслировала всё, что читала и могла донести. Он даже как будто проникся и хотел быстрее кого-то спасти. Хотя много позже, когда Дима уже был дома, он вдруг так легко согласился со своей мамой, что от генов никуда не убежишь. Мне кажется, я тогда чуть со стула не упала, так как поняла, что он так и не усвоил информацию из моих трансляций. Мне он говорил, что хочет приёмного, и не одного, и даже можно в инвалидном кресле — тогда мы точно прямо в рай полетим. В итоге теперь я понимаю, что это были только разговоры.

Итак, мы в твёрдой, как я думала, решимости взяли благословение у священника и пошли на приём в опеку. Там принимали в двух кабинетах: усыновления и опеки. Мы, конечно, походкой героев зашли в кабинет усыновления, где нас пытались пытать. А всё о чём? О том, зачем оно нам, что своим детям навредим, что в системе нормальных нет и что семья распадётся. Да и вообще, по требованиям для усыновителей муж не проходил, а у меня не было подтверждённого в налоговой дохода. Но герои не поверили в зловещие предсказания и пошли в отдел опеки, где помягче голоса и поласковее условия. А были ли условия зловещими? Таки нет, скажу я вам сегодня.

Дальше оставалось только ждать осень и приглашение в школу приёмных родителей, и я взялась читать акафист иконе Божией Матери «Нечаянная радость». Время тянулось бесконечно, дети, которые нравились в базах, неумолимо исчезали.

В июле я отменила утренние сеансы, и вдруг в конце месяца мне позвонили и пригласили учиться в утреннюю группу ШПР — как будто прознали, что я как раз могу!

А в начале августа я узнала, что беременна, и меня накрыла бешеная паника: как же быть дальше?

Глава 6.

Потеря и направление

Начались эмоциональные качели. Я думала: оставить всё как есть или отказаться от мыслей о приёмном, просто закончить ШПР. Потому как с моим обычным токсикозом и течением беременности я вряд ли смогла бы пережить поиски и адаптацию приёмного. А после рождения своего опека вряд ли выдала бы положительное заключение по нашей густонаселённой жилплощади.

Но Бог решил по-своему — беременность закончилась на пятой-шестой неделе. Ребёнок решил эвакуироваться, уступив меня приёмному малышу.

По окончании школы я собрала все документы и отвезла в опеку. Заключение было готово через неделю с примерной формулировкой: ребёнок с нуля до шести лет, любого пола, возможно с особенностями здоровья.

Мне сразу показали базу подходящих по моим параметрам детей нашего города. Ну как показали — пролистали, да, именно так, стремительно и не растягивая гласные.

Я попросила рассказать про девочку, которую увидела у приёмных мам в интернете, и получила наконец заветное направление. И-и-и... рассказала маме о всей этой затее. И кстати, из моих родственников, кроме мужа, детей и сестры, об этом вообще никто не знал.

Я была на седьмом небе, распланировала всю жизнь, что я наконец-то буду покупать девочкины наряды и играть в куклы. Но радость была очень недолгой. Через пару часов мне позвонила опека, извинилась и сказала, что направление выдано ошибочно, так как на эту девочку уже две недели как есть согласие. Какие-то проблемы с базой.

Планы рухнули. Можно было ехать по городам и весям в поисках той самой... Но после бессонной ночи я решила хватать синицу по имени Дима, шести месяцев, который тоже был в нашем городе. Ну и что, что парень. Решила хотя бы сходить посмотреть одним глазком.

А мужу было всё равно, какого пола ребёнок, главное — совсем маленького, чтобы я сидела дома и оставила работу. Он, видите ли, всю жизнь мечтал о такой жизни, когда жена не работает, а занимается домом и детьми. Задумка, безусловно, была хорошая.

Глава 7.

Первая встреча

Первая встреча — октябрь 2018 года. Дима лежал в раздевалке группы на лавочке, наряженный в их самый лучший бодик.

Сразу скажу: нигде ничего не ёкало, не прыгало, не текли слёзы. Вот ребёнок, и вот я. Вот тот, ради которого проделан долгий путь нервов, обучения и сбора документов. Мальчик, а не как предполагалось. Не розовощёкий, упитанный, улыбающийся малыш, тянущий ручки с надеждой. Вот такой ребёнок — без чувственных реакций, без радости, без страха. Его просто вынесли незнакомой тётке и оставили с ней. Ноль эмоций. Просто рефлекс. Держать на руках было практически нереально — голову он не держал и прижиматься ко мне отказывался, откидывался назад, отталкиваясь ручками и сползал, как будто складывался, вниз.

Сейчас я думаю: как хорошо, что мои чувства были отключены. Нужна была холодная голова для принятия решения. Иначе страх одержал бы верх над жалостью, и всё — у ребёнка ноль шансов. Перечислялись диагнозы, и потом в группе крутились около меня с вопросами «ну как?». Я молчала. Я была в шоке. Очень правильно, что включила диктофон — иначе они бы победили. Сорок минут на руках и рядом. Просто была рядом, просто ушла в себя. Так как нужно было принять единственное правильное решение. Тяжело быть судьёй. Решать чью-то судьбу. Помиловать или искать другого?

Глава 8. Математика

При выдаче направления на Диму и потом, после подписания согласия, меня в опеке называли отважной женщиной.

Так вот, за что я люблю математику? За точность и задачки с единственно правильным и логичным ответом.

Задача номер один.

Условие: ребёнок шести с половиной месяцев, с диагнозами как у старшего сына, лежит, не держит голову, весит пять килограммов и не развивается. Прогноз неблагоприятный. В то время как мой сын к этому возрасту уже сидел, пытался стоять и весил почти вдвое больше.

Решение: забрать, лечить и любить как своего.

Ответ очевиден.

Задача номер два (числовая прямая).

Условие: начало данного повествования — когда я резко захотела ребёнка — февраль 2018. Начало цикла — февраль 2018.

Вопрос: когда срок ПДР?

Решение: в апреле пришла мысль о преемстве. В июне я записалась в ШПР, в июле начала обучение, в сентябре закончила, в октябре собрала документы, получила заключение, встретила с Димой и подписала согласие. В ноябре забрали Диму домой.

Ответ: ПДР — ноябрь 2018 года, ровно девять месяцев, и наш день аиста. Совпадение? Математика!

Кстати, муж был у нас в классе двоечником. Совпадение?

Позже, когда он забирал вещи, даже не поинтересовался Димой. А когда малыш вышел в прихожую, изрёк: «О, привет, Дим!» Дима испуганно, запинаясь, ответил забытому уже человеку: «Пока-пока».

— Как дела, Дим?

— Пока-пока...

— Чего делаешь, Дим?

— Пока-пока...

Глава 9.

Можно ли полюбить чужого ребёнка?

Можно ли полюбить чужого ребёнка? Нет, не так. Можно ли полюбить ребёнка, рождённого другой женщиной? Ибо чужих детей в Человеческом мире не бывает.

Ответ пришёл не сразу. Да! Это не была любовь с первого взгляда, это не любовь, которая приходит изнутри ещё до рождения своего ребёнка.

Это любовь откуда-то с неба, соткана из воздуха и облаков. Она незаметно прилетает, обволакивает и просачивается внутрь. Не по щелчку пальца, не в определённый день, не по первому и даже не по второму твоему истеричному требованию. Просто отпускаешь эти мысли и заботаешься день и ночь, день и ночь. И вот, очередной раз между строк слышишь от врача оценивающий вердикт — «унесите обратно, вам подсунули брак». И снова отчаяние, гнев на непроходимую чёрствость — и вдруг понимаешь: всё! И любовь к этому брошенному, уже успевшему помучиться, приговорённому к инвалидности или того хуже, внезапно накрывает тебя с головой.

Всё! Ты в облаке, как будто возносишься над действительностью, и всё остальное не важно, мелко, глупо... Небеса приблизились. Нет, не так. Они всегда были здесь, просто мы не поднимали головы. Слава Богу за всё.

Мы не искали здорового ребёнка.

Мы заведомо знали, что будем брать ребёнка с особенностями. Здоровых девочек заберут без нас. Мы решили не ездить по стране в поисках, а помочь ребёнку из своего города. Да, хотели девочку, но это наша хотелка. Можно хотеть годами и ждать в очередях, а можно помочь конкретному ребёнку, который, пока мы витаем в своих идеальных грёзах, уже сейчас нуждается в семье. Я просила в молитвах избавить нас от выбора.

Какие мы православные, если будем капризничать и выбирать под своё эго?

Мы готовы были взять детей с синдромом бабочки и на коляске, с синдромом Дауна. Им по четыре с половиной года, и их ждал Детский дом инвалидов. А это для них билет в один конец. Их, слава Богу, забрали в семьи.

Мы готовы были взять девочку из столицы — ей три года, и она только-только начала ходить.

Мы почти взяли девочку с недоразвитым ушком и тоже с неврологией.

Но Господь послал нам ребёнка по силам. Полегче.

Интересно, что сказали бы наши врачи нам про тех деток.

И мы никуда не торопились. Сколько нужно времени Диме для развития, столько пусть и развивается. И если не получится реабилитировать на сто процентов, а только на семьдесят — значит, пусть будет так. Мы к этому готовы.

Глава 10.

Человек без запаха

Я очень трепетно отношусь и реагирую на запахи. И где-то читала, что при первом знакомстве нужно обязательно взять ребёнка на руки и понюхать. Типа, если нет отторжения, то можно брать. А если что-то напрягает, то это потом может сильно раздражать.

Запах меня действительно может оттолкнуть. А ещё обгрызанные или грибовые ногти. Это было всегда, сколько я себя помню. Мужчина с обгрызанными или погрызанными в детстве ногтями не мог стать моим мужем.

Так вот, про запахи.

При первой встрече я носила Диму на руках минут сорок. Думала: даже если не возьму, то хотя бы подержу подольше. И я пыталась нюхать. А он не пах. Вот ничем. Ни молочком, ни отрыжкой, ни постиранным бодиком, ни памперсом, ни влажными салфетками, ни шампунькой, ни пенкой, ни присыпкой, ни нянечками — вернее, их духами. Ничем. Человек без запаха.

Ну, к слову сказать, он был ещё и без эмоций, а взгляд был направлен внутрь себя. Глазки бежали, как будто он спит с открытыми глазами и смотрит своё волшебное кино. Всё, что происходит снаружи, его мало волновало, а даже неприятно отвлекало. Он пытался пищать и как-то избавиться от моих рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.